

ПРОСПЕКТ Руставели встретил меня давно знакомой архитектурной симфонией, сопровождавшейся все тем же шелестом тополей. Словно ничто и не изменилось за многие годы разлуки. Тбилиси — все тот же неповторимый древний и в то же время молодой город. Вот и знакомое здание Театра оперы и балета имени Палиашвили: изысканные линии фасада, импозантная арка парадного подъезда. Неотделимое от ансамбля улицы, оно в то же время отличается особой, восточной изощренностью контуров, напоминая отдаленно персидские минареты. Псевдомавританский стиль конца прошлого века — немножко, пожалуй, нарочито, но, бесспорно, отмечено мастерством и тонким вкусом. Приятная встреча.

— Как, неужели вы не знаете, что театр в 1973 году сгорел почти дотла. Кроме фасада, ничего не осталось.

— Значит, восстановили?..

— В том-то и дело, что не только восстановили. Тут целая история.

Вот эта история.

После случившегося нечаянно было принято решение: восстановить театр. Решение естественное, продиктованное горячей любовью тбилисцев в свой город. Но каким должен быть новый театр? Тут мнения разошлись.

Одни считали, что нужно построить новое здание, отвечающее возросшим требованиям, предъявляемым ныне к зрелищным сооружениям, — не секрет, что старый театр им не вполне соответствовал. Другие — поклонники традиций — смотрели на потенциальное новшество с опаской: не нарушит ли современная архитектурная форма гармонию проспекта, не внесет ли диссонанс в его ансамбль? Пусть бывший театр не был шедевром зодчества, но памятником культуры и истории города он был, бесспорно. Остановились на «золотой середине»: сохранить стиль здания, но увеличить его объем с учетом современных градостроительных норм и с оглядкой на окружающие застройки, реконструировать сценическую часть и зрительный зал.

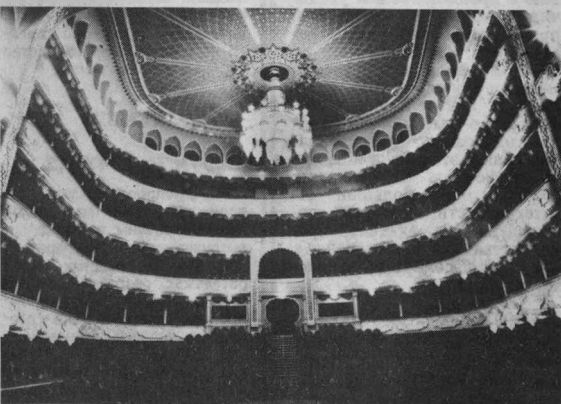
На проект восстановления здания театра был объявлен конкурс. Зодчие представили эскизы на рассмотрение специально - архитектурного совета при Госстрое республики. Проект Лери Медзмаришвили и Муртаза Чачаидзе приняли к осуществлению.

Кроме фасада, фойе и вестибюля, все создавали заново. Радикальнейшим образом изменили зрительный зал и сцену. Размер портала сцены прежней — 12 метров.

ВНОВЬ ЛОЖИ БЛЕЩУТ

О ТОМ, КАК В ТБИЛИСИ ВОССТАНАВЛИВАЛИ
ОПЕРНЫЙ ТЕАТР

Трапециевидный зрительный зал был мал и неудобен, да и акустически не отличался. Жаловались на тесноту и оркестранты: «яма» была рассчитана всего на 40—50 человек.

Новую сцену сделали на уровне европейских стандартов (портал 18 метров), предусмотрели последние новшества сценотехники (например, устроили карманы с фурами). Специальные подъемно-опускные сценические площадки предоставляют простор фантазии постановщика. Раздался, изменился по форме и зрительный зал. Но входись сюда сейчас и не сразу заме-

тишь перемены, словно театр просто отремонтирован. Эта иллюзия — результат сохранения прежнего мавританского стиля в решении интерьера, прежних пропорций. Увеличили заднюю часть здания, архитекторы подарили актера новые помещения: два балетных репетиционных зала, зал для хора с оркестром, классы для занятий.

Работая над интерьерами, авторы постоянно обращались к старым фотографиям. Вовсе не для того, чтобы механически копировать прежнее. Многие изменилось, но сохранилось главное — стиль.

— Это было удивительное время, — вспоминает директор Специального реставрационного производственного объединения Гоги Рамишвили. — Редко приходится видеть такой энтузиазм и слаженность в работе всех — от архитекторов - проектировщиков до рядовых строителей. Иногда проект совместно корректировали прямо здесь, на стройплощадке. Настоящее творческое «горение». Конечно, трудности были. Однако не рядовые, когда надо что-то «пробовать». Другие. В частности, трудно было найти специалистов редких в наше время профессий — ювелиров, резчиков по камню, гравиров, художников по витражам. Но в конце концов нашли, и они стали нашими соратниками в этом большом деле.

Работа была закончена в рекордные сроки. Через год с небольшим после пожара театр уже принял зрителей.

Вхожу в здание с парадного подъезда. Белые мраморные лестницы сбегает вниз — в буфет, поднимаются вверх — к зрительному залу. Тонко переливаются светильники, колеблются матовые отсветы витражей, огромные зеркала удлинняют перспективу фойе, отражают тусклую позолоту отделки.

Днем в зрительном зале атмосфера вполне будничная. Занавес приспущен. Постукивают молотками, переговариваются о чем-то рабочие сцены. Лери — автор проекта — хочет сделать мне сюрприз: просит включить люстру. И вот она ожила и озарила весь зал, от паркета до верхних ярусов — огромная, восхитительная.

Искусственный ковер съедает звуки шагов. Я спускаюсь в амфитеатр и сажусь в одно из мягких кресел цвета охры пастельного тона. Закрываю глаза и представляю себе, что зал заполняют зрители, слышу приглушенный гул толпы, шелест программ и даже, как настраивают скрипки в оркестре... Но потерпим до вечера.

Итак, театр возрожден.

— Не просто возрожден. Пролетана громадная и по существу новаторская архитектурно - строительная работа, — поправляет меня председатель Госстроя Грузинской ССР Гурам Мирианашвили. — Сохранил внешний облик, стиль привычного здания, в корне его при этом обновил, — это очень сложная профессиональная задача. И она решена. В этом большая заслуга коллектива архитекторов и строителей.

Вот такая история случилась в Тбилиси, жители которого искренне влюблены в свой город. Не на словах. На деле.

Н. ВИКТОРОВА.
(Наш спец. корр.)